

СВОБОДА РЕЛИГИИ В РОССИИ: ОТ АВТОРИТАРИЗМА К ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИСКУССИИ

В российском обществе сохраняется парадоксальное несоответствие между политикой властей и реальной религиозной ситуацией, между нормами, декларируемыми в законах, и отношением чиновников, правоохранительных органов и СМИ к верующим разных религий на практике. Но в отличие от других периодов российской истории постсоветское развитие страны дало возможность для становления свободы религии и убеждений, в котором все более активное участие принимает гражданское общество, состоящее из представителей различных взглядов.

Возрождение религиозности в России (или правильнее сказать – религиозный бум) в 1990-е годы породило невиданное ранее религиозное многообразие, интерес к религии вообще и к православию в частности, а также надежды на установление законодательства, основанного на принципе свободы совести. Однако на новом витке истории в современной России стали также на государственном уровне утверждаться идеологические стереотипы и комплексы, которые были свойственны дореволюционному и советскому периоду. Это – борьба с верующими «нетрадиционных» религий как с сектантами, попытки чиновников выделить из религиозной среды наиболее лояльных власти лидеров и, в конце-концов, создание нового основания для легитимности власти – становление Русской православной церкви (РПЦ) как символа и опоры государственной идеологии.

Вместе с тем, в отличие от предыдущих исторических периодов, постепенный возврат к более привычному для России авторитарному, советскому образу государственной власти не прервал демократического развития страны окончательно, в том числе и в сфере религиозной свободы. Итогом первого десятилетия развития религиозной свободы в России стало формирование законодательства, которое позволяло религиозным объединениям существовать в соответствии с демократическими нормами. Именно поэтому для многих правозащитников Закон о свободе совести 1997 года в конце концов стал символом стабильности законодательства, учитывая постоянно появляющиеся угрозы свободы совести и попытки изменить закон.

Эффект и место Закона 1997 года в становлении религиозной свободы в России было наиболее четко выражено американскими учеными Christopher Marsh and Wallace Daniel: «Закон 1997 года может рассматриваться не как окончательный и долговременный законодательный акт, а как реакция на уже существующие обстоятельства. Закон не был чем-то продуманным, внутренне последовательным или тщательно подготовленным, а кратковременным законодательным решением, частью процесса, в котором Россия ищет свой путь, двигаясь в самых разных направлениях и без твердо установленных и действующих законодательных норм. То, каким образом будут развиваться эти нормы, как законы будут толковаться и применяться, каково будет отношение к религиозным организациям в следующем десятилетии, скажет многое об усилиях России организовать новый политический, социальный и религиозный

порядок»⁵⁹. Эта оценка во многом объясняет последующее развитие ситуации с утверждением принципа свободы совести в России.

Однако Закон заложил основу для неформальной, внеправовой дискриминации «нетрадиционных» религиозных объединений – религиозные меньшинства лишали аренды, выгоняли из социальных учреждений, пресекали их миссионерские и социальные акции. Все эти случаи гонений стали основой для формирования судебной практики по свободе совести в России, в том числе поводом для подачи жалоб в Европейский суд по правам человека (первая подобная жалоба была подана в 2001 году Московским отделением Армии Спасения, которую в 1999 году отказалось перерегистрировать управление юстиции Москвы, а суд признал «военизированной» организацией; в 2006 году Европейский суд вынес решение в пользу Армии Спасения, но только в 2009 году Армия Спасения прошла перерегистрацию в Москве⁶⁰). Провозглашение четырех религий традиционными и превращение православия в один из символов государственной идеологии стало в значительной степени неформальным явлением, незакрепленным в Конституции РФ.

Ужесточение политики властей при Путине привело к сворачиванию многих социальных и гуманитарных программ (был ужесточен порядок ввоза гуманитарных грузов в Россию), прежде всего в протестантских церквях, многим неправославным христианским церквям и представителям новых религиозных движения практически невозможно стало арендовать помещения для богослужений, получать землю и строить Дома молитвы, а во многих регионах делались попытки прекратить уже идущее строительство Домов молитвы. Среди нехристианских религий под особым контролем властей оказались мусульмане – официально существующие общины, принадлежащие к признанным государством союзам, стали более тщательно контролироваться властями, а независимые мусульманские группы испытывали на себе давление со стороны правоохранительных органов, устраивавших постоянные проверки.

Борьба с иностранным влиянием и «сектами» стала своего рода фобией путинского времени, определенным акцентом в официальной политике, хотя и до и после Путина эти моменты присутствовали в высказываниях чиновников. В путинской редакции Концепции национальной безопасности России 2000 года борьба с сектами была переведена в сферу противодействия иностранным угрозам – миссионерам.

При Путине стали целенаправленно приниматься административные меры в отношении миссионеров и религиозных меньшинств. В 2002 году кампания по депортации иностранных проповедников из России достигла своего пика – из страны было выдворено рекордное количество религиозных деятелей – 18 человек. Всего за период с 2000 по 2008 годы из России было выслано по тем или иным причинам или же без объяснения причин около 100 миссионеров⁶¹. Большую часть депортированных, помимо католиков, мормонов, мусульман и буддистов, составляли сотрудники евангельских союзов и миссий.

⁵⁹ Christopher Marsh and Wallace Daniel. Russian Law on Freedom of Conscience 1997: in Context and Retrospect // Journal of Church and State. -2007.- № 49 - 19-26.

⁶⁰ http://www.sclj.ru/court_practice/detail.php?ID=1190

⁶¹ Lunkin R. The Russian Security Service Versus Western Missionaries // East-West Church & Ministry Report (The Global Center, Samford University), fall 2004, Vol. 12, No. 4. - P. 1-3.

В качестве естественного продолжения антимиссионерской политики при Владимире Путине началась разработка законопроекта по ограничению миссионерской деятельности в России. Путь к законопроекту о миссионерской деятельности начался в 2000 году, когда была принята путинская Концепция национальной безопасности России, где содержалась глава о «духовной безопасности» и необходимости контроля за миссионерской деятельностью.

Наряду с давлением на религиозные меньшинства в риторике представителей власти стало все большую роль играть опора на православие. Православные иерархи предложили целый ряд инициатив, повышающих роль РПЦ в обществе и государстве. К примеру, в сфере образования – внедрение «Основ православной культуры» в школах и утверждение теологии в качестве научной специальности. Активизация РПЦ и заявления иерархов привели к первому открытому и яркому протесту интеллигенции против государственного насаждения влияния РПЦ сверху. В июле 2007 года против нарастающего влияния Русской православной церкви выступили 10 академиков РАН, которые обратились с открытым письмом к президенту РФ В.В. Путину с просьбой остановить клерикализацию российского общества и активное проникновение церкви во все сферы общественной жизни. Среди подписавших это письмо – академики и лауреаты Нобелевской премии Жорес Алферов и Виталий Гинзбург. Ученые также ссылались на социологические данные: «Если считать атеистов русской национальности поголовно православными, то большинство, наверное, получится. А вот если без атеистов, то, увы, православные окажутся в меньшинстве. Ну, да дело не в этом. Разве можно так презрительно относиться к другим конфессиям? Не напоминает ли это православный шовинизм? В конце концов, неплохо было бы церковным иерархам задуматься, куда ведет такая политика: к консолидации страны или к ее развалу?». Вслед за письмом академиков последовало аналогичное письмо ученых и преподавателей, а также письма родителей против внедрения «Основ православной культуры» в школах в обязательном порядке (обязательным предметом «Православная культура» является в Белгородской области, где в 2006 году был принят соответствующий закон).

В период правления Владимира Путина представителям власти не удалось отменить религиозную свободу в России. Закон о миссионерской деятельности принят не был, РПЦ не стала официальной государственной церковью, права религиозных меньшинств на уровне законодательства фактически ограничены не были. Более того, те религиозные объединения (католики, лютеране, баптисты, пятидесятники и т.д.), которые уже имели с 1990-х годов регистрацию и свои здания, сохранили свои позиции. Для протестантов, как самой многочисленной после православия конфессии в России, знаковым событием стало включение в 2006 году в Общественную палату РФ (совещательный орган, состоящий из общественных деятелей) своего представителя – пятидесятника Сергея Ряховского (который до сих пор представляет протестантов в Общественной палате)⁶². При этом, при Путине не была осуществлена практически ни одна инициатива РПЦ в сфере образования, армии, передачи

⁶² Lunkin R. Protestantism and Human Rights: creation of the alternative to the authorities // Paper for Fourth Annual Lilly Fellows National Research Conference, November 11-14, 2005, Samford University, http://www.samford.edu/lillyhumanrights/papers/Lunkin_Protestantism.pdf.

недвижимости в собственность. Авторитарные тенденции в эпоху Путина оказались слабыми, действия власти непоследовательными и противоречивыми, а православная идеология власти, хотя в целом достаточно устойчивой, но поверхностной и бессодержательной.

В политике Дмитрия Медведева есть определенный прагматизм и стремление увидеть в РПЦ активного строителя гражданского общества в России. При Медведеве государство направляет все свои силы на поддержку духовного просвещения, религиозного образования в рамках РПЦ, социальных проектов РПЦ (формально совместных с местными властями), культурных проектов, связанных с молодежью, с кино, с детскими лагерями, православными гимназиями и т.д. Фактически государство в период президентства Дмитрия Медведева само постепенно переориентирует Церковь на социальные приоритеты и поспособствует новому этапу в развитии церковной жизни – от восстановления зданий к миссионерству и религиозному просвещению.

Вместе с тем, усиление православия, стремление Церкви получить государственные преференции во всех сферах - от армии и образования до прав на недвижимость и установление православной символики в разного рода учреждениях – вызвало споры и разногласия среди общественности. Церковь во главе с патриархом Кириллом стала провокатором общественного мнения, заставило гражданское общество, в том числе представителей иных конфессий, проявить себя. Ранее скептицизм по отношению к роли православия в России был свойственен лишь части интеллигенции. Теперь споры вокруг превращения РПЦ в государственный символ со всеми привилегиями ведут и те граждане, которые ранее об этом не задумывались. Среди них и те, которые называют себя православными, а тем более те, кто считает себя далеким от религии агностиками или атеистами.

Начало 2010 года ознаменовалось целым рядом решающих шагов по продвижению Церкви к закреплению своего господствующего финансово-идеологического положения в стране как среди религиозных объединений, так и вообще среди общественных организаций. Укрепление РПЦ в современной России фактически не имеет аналогов в истории нашей страны, тем более что происходит это укрепление в светском по Конституции РФ государстве и при опоре исключительно на властные рычаги. Если посмотреть на фактическую сторону, то окажется, что все основные инициативы осуществляются по просьбе РПЦ и патриарха Кирилла, в основном, в интересах РПЦ, и проводятся административными методами, часто в обход самого российского законодательства и вне диалога с обществом, в том числе с другими конфессиями, что и вызывает ответную реакцию.

В июле 2009 Президент России Дмитрий Медведев выразил согласие с предложениями целого ряда «традиционных» религиозных объединений, прежде всего РПЦ, и поручил Министерству обороны возродить в России институт военного духовенства. В апреле 2010 года Министерство обороны РФ объявило о создании Управления по работе с верующими военнослужащими, которое должен возглавить священнослужитель РПЦ. В Министерстве обороны РФ отметили, что предложения о назначении военных священников поступили пока только от Русской Православной Церкви, и в обязанности православных

священнослужителей также будет входить окормление верующих иных вероисповеданий⁶³.

Одновременно, летом 2009 года, президент Дмитрий Медведев также поддержал введение в школах предметов о религии, прежде всего «Основ православной культуры». Эксперимент по введению в школьную программу 19 регионов на выбор трех предметов («Светской этики», «Основ мировых религий» и Основ одной из «традиционных» религий – православия, ислама, буддизма и иудаизма) был начат в ускоренном режиме и вызвал скрытое и открытое недовольство не только представителей Министерства культуры, но и большинства учителей. В целом ряде регионов страны большинство родителей выбрали для своих детей основы светской этики, а не православие. Согласно проведенным опросам родителей в среднем по всем регионам, участвующим в эксперименте, «Основы православной культуры» выбрали для своих детей около 30%, и примерно такое же количество выбрало светскую этику и «Основы мировых религий»⁶⁴. Представители РПЦ были разочарованы такими результатами. Более того, например, старообрядцы - Поморская древлеправославная церковь рекомендовала староверам выбирать именно светскую этику, а не учебник Московской патриархии.

В начале 2010 года стало также очевидным, что неформальная реституция православных культовых зданий и ценностей вскоре вступит в новый этап своего развития. В начале 2010 года представители РПЦ заявили, что новый законопроект о передаче религиозным объединениям (на 99% проект касается РПЦ) имущества религиозного назначения уже почти готов к внесению в Госдуму и для обсуждения общества. Суть законопроекта заключается в разработке механизма передачи имущества, которым владеет РПЦ, и культовых объектов, которыми она еще не владеет, в собственность РПЦ, так как в настоящее время церковь пользуется большинством храмов и монастыре на правах бессрочной аренды. Обязательными условиями, которые должны сопутствовать принятию проекта, являются: одновременное принятие законов, которые позволят федеральным и региональным властям финансировать реставрацию, восстановление и содержание памятников культуры истории, переданных РПЦ МП в собственность, а также компенсация Церкви затрат на оформление имущества в собственность. Новый закон установит единый порядок и обяжет передавать Церкви имущество на всех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном.

В феврале 2010 года стало известно еще об одном законопроекте, который также направлен на прямую поддержку РПЦ. Это проект о поддержке социальной работы религиозных объединений. По просьбе Московской патриархии депутаты партии «Единой России» в президентском законопроекте о поддержке некоммерческих организаций прописали право религиозных организаций на государственную помощь. В феврале проект был принят Государственной думой РФ. Согласно закону религиозные организации также смогут получить статус социально ориентированных. Закономерно, что

⁶³ The letter of the Russian Ministry of defence on military clergy // <http://www.sclj.ru/news/detail.php?ID=2860>

⁶⁴ The Report on religious education in Russian schools // http://irhr.ru/files/book_OPK_monitoring.pdf

юрисконсульт Московской патриархии Ксения Чернега сразу заявила, что статус социально ориентированных смогут получить лишь избранные религиозные объединения.

Наконец, завершает картину давно готовящийся в рамках Минюста РФ законопроект об ограничении миссионерской деятельности. Министерство предлагает внести поправки в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных организациях» в части регулирования миссионерской деятельности, что вызвало возмущение религиозных деятелей и правозащитников. Суть претензий к проекту заключается в том, что новые поправки противоречат, во-первых, международным нормам, касающимся религиозной свободы, во-вторых, положениям Конституции РФ и закона о свободе совести (о праве каждого на исповедание веры, в том числе и ее проповедь), а в-третьих, проект Минюста РФ, помимо отсутствия точных формулировок о том, что такое миссионерство и введения штрафов за проповедь в публичных местах, более значительных, чем за нарушение общественного порядка, просто унижает верующих и религиозные объединения. В начале февраля 2010 года представители Минюста РФ заявили о намерении доработать проект.

Ответ общественности на инициативы РПЦ отличается различной степенью резкости и радикальности – от элементарной защиты свободы совести и законов до полного неприятия столь подавляющей роли РПЦ в нынешней России. При всем многообразии реакций на православный натиск патриарха Кирилла можно сказать, что все они являются ярким проявлением гражданского самосознания, которое стало фактором общественного мнения. Особенно показательным по накалу споров является противостояние РПЦ и сотрудников музеев, которые первые пострадают, если согласно закону музеи будут выселять из монастырей, а движимое религиозное имущество – старинные иконы – оставлять РПЦ.

Критическое восприятие официального православия возникает в самых разных социальных слоях. К примеру, неожиданно бурную реакцию вызвало посещение патриархом Кириллом Национального ядерного университета «МИФИ» (Московский инженерно-физический институт) и выступление главы РПЦ перед студентами 4 марта 2010 года. Инициативная группа студентов написала ректору университета письмо, где возмутилась демонтажем любимого студенческого памятника студенту перед зданием университета и установкой на его месте креста перед приездом патриарха. Подобные ситуации и конфликты студенчества и общественности с руководителями РПЦ стали возникать и в отдельных епархиях в регионах, и власти по существу серьезно не противодействуют таким общественным акциям⁶⁵.

При Дмитрии Медведеве православие заняло значительное место в масс-медиа и в общественно-политической жизни, но это также не привело к свертыванию религиозной свободы, а возбудило дискуссию в обществе, заставило граждан осознавать ценность свободы религии и убеждений. Однако процесс усиления гражданского общества и восприятия демократических норм

⁶⁵ The web-sites that regularly enlighnted the situation in Russia are: www.portal-credo.ru, www.religiopolis.org, the web-site of Slavic Cente for Law and Justice and Institute of Religion and Law – www.sclj.ru.

идет в России медленно и неравномерно, в зависимости от региональных особенностей и исторических особенностей развития региона.

К концу 2010-х годов одним из самых важных факторов влияющих на формирование религиозной свободы в России является постепенный отказ от восприятия страны как государства с одной или только с четырьмя «традиционными» религиями». В условиях начинающейся общественной дискуссии вокруг роли религии это имеет особое значение. Религиозное многообразие России сравнимо с той пестрой картиной религиозности населения, которую можно встретить в США или в европейских странах. Россия отнюдь не является монорелигиозной страной с одной доминирующей религией. С конца 1980-х годов российское общество было также подвержено процессам секуляризации и глобализации, как и другие страны мира, что, с одной стороны, расширило религиозный кругозор российских граждан, а с другой - способствовало воспитанию массового секулярного сознания, равнодушного к вере и воспринимающего религию в качестве одного из символов национальной, культурной идентичности. Данные статистики дают лишь самое общее представление о наличии тех или иных религий, но не дают понимания того, какова реальная роль и влияние конфессий в общественно-политической жизни. По данным Федеральной регистрационной службы по состоянию на 1 января 2009 года, в России зарегистрировано 12 727 организаций Русской православной церкви Московского патриархата, 120 организаций, которые принадлежат к другим православным юрисдикциям, 278 – старообрядцы, 232 – католики, 3885 – ислам, 203 – буддизм, 294 – иудаизм⁶⁶. Второй по численности христианской конфессией в России является протестантизм, включающий в себя евангельских христиан-баптистов, христиан веры евангельской (пятидесятников), евангельских христиан, лютеран, адвентистов, методистов, реформатов, пресвитериан, англикан, меннонитов и неденоминированные христианские церкви. Всего таких церквей в России зарегистрировано на 1 января 2009 года – 4493 организации.

По данным социологических исследований, численность практикующих верующих составляет в РПЦ – 3-15 млн чел., старообрядцев - 50-80 тысяч чел., католиков – 60-200 тысяч чел., протестантов – более 1,5 млн. чел., иудаистов – 30 тыс. чел., мусульман – не более 2,8 млн. чел., буддистов – не более 500 тысяч чел., новых религиозных движений - не более 300 тысяч чел⁶⁷.

Политика дискриминации прав других верующих и поддержки, в основном, РПЦ МП оказывается внутренне противоречивой и контрпродуктивной, она входит в противоречие с Конституцией РФ и с демократическими декларациями самих представителей высшей власти, а поэтому не может быть осуществлена официально, по крайней мере, в полном объеме. Граждане России в своем большинстве высказываются за «сильное государство» и за «православие». За этой декларацией не стоит часто ничего – никаких ценностей, идей, надежд и устремлений. Формально патриотическая государственническая идеология, направленная на укрепление государства,

⁶⁶ Religii v Rossii. Ed. O. Vasilieva, V. Shchmidt. Moscow: Russian Academy of State service. – 2009. - P. 99-108.

⁶⁷ Lunkin R., Filatov S. Statistika rossiyskoi religioznosti: magya tsifr i neodnoznachnaya realnost // "Sociologicheskie issledovaniaya". – 2005. - № 6. - P. 35-45.

парадоксальным образом разрушает основы российского государства. Во-первых, в России появилось сообщество людей, которые исповедуют иную веру, нежели православие, ислам, буддизм, иудаизм. Среди «потенциальных» православных, буддистов и мусульман можно встретить пятидесятников, баптистов и евангелистов, а также представителей околохристианских и новых религиозных движений. Во-вторых, жесткая проправославная политика разделяет Россию, так как условно «православные» и «русские» регионы очень неоднородны по религиозному составу и общественно-политической атмосфере⁶⁸. Почти абсолютная поддержка РПЦ господствует в Центре и на Юге России, православие исторически развито также на Северо-Западе России, где все же сильны традиции веротерпимости. Что касается Дальнего Востока и частично Сибири, то в этом регионе православие присутствует почти формально, при поддержке властей, а реальной религиозной силой являются протестантские церкви. В Калининграде, в других регионах Северо-Запада России, в некоторых регионах Урала и в национальных республиках, а также Сибирско-Дальневосточном регионе, жесткая государственническая идеология Москвы кажется непонятным и чудным капризом, который разрушителен и никак не связан с реальной жизнью⁶⁹.

Последние 20 лет развития России сильно сократили пропасть между Русской православной церковью, которая и сама сильно пострадала в советский период, и другими религиозными движениями, которые развивались в последние годы параллельно православию и многие из них - успешно. Представители власти в целом ряде регионов считаются с религиозными многообразием, со многими конфессиями, игнорируя общую идеологию по поддержке лишь «традиционных» религий. При этом в общественных кругах возникает оппозиция административным действиям власти в поддержку одной идеологии. Именно широкая общественная поддержка свободе религии и убеждений, впервые постепенно возникающая в России, способна и в дальнейшем утверждать принцип соблюдения свободы совести в законодательстве и в правоприменительной практике, несмотря на исторические мифы, комплексы и фобии, которыми еще страдает российское государство.

---

⁶⁸ R. Lunkin. "Russkie" regiony Rossii: steepen pravoslavnosti i politicheskie orientacii // "Sociologicheskie issledovaniya". – 2008. - № 4. – P. 27-37.

⁶⁹ Sergei Filatov. The Vibrant Blossoming of the Enchanting Garden of Russian Spirituality: Twenty Years of Growth of Religious Diversity in Post-Soviet Russia // Twenty Years of Religious Freedom in Russia. Ed. A. Malashenko, S. Filatov. Carnegie Moscow Center. Moscow: ROSSPAN. - 2009. - P. 8-40 (http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/1253120Years_text1.pdf).